

В основу предлагаемых читателю семейных преданий о войне легли беседы автора с героями повествования, их однополчанами, а спустя годы — с членами их семей, сохранившими в памяти рассказы предков. Важно понимать, что история, построенная только на архивных документах, не может быть полной без свидетельств ее реальных участников. Особая благодарность — братьям В.М. Скогореvu и А.П. Скогореvu.

Начало войны курсантам Мелитопольского штурманского училища, где учился и Павел Скогореv, запомнилось тем, что весь летный состав стали посылать на рейд Констанцы — бомбить румынский флот. Тогда же они увидели первого немца. Над территорией училища произошел воздушный бой. В нем один из вражеских самолетов сбили. Пилота взяли в плен. Он приосанился, когда его вели, и горделиво всех осмотрел. А после громко по-немецки заявил: «Но все равно победителями будем мы!»

Вскоре фронт приблизился к училищу, и его эвакуировали в Западный Казахстан, под Новый Узень, что между Волгой и Урал-рекой. Казахские просторы «мелитопольцев» совсем не вдохновляли. Кругом солончаки. Ни речки, ни пруда, ни хутора. И лишь неподалеку стояли полуразрушенные верблюжьих конюшни. Их восстанавливали немцы из Поволжья, которых пересели-

ли туда из-под Саратова. Они же там основали колхоз.

Никаких казарм в степи, разумеется, не имелось. Курсантам приказали разбить палатки. Кормили чем придется.

«Считай, что нечего почти нам было жрать. Но выручали нас в колхозе сильно. Поволжские немцы заделали там образцовое хозяйство. Так подняли его — все начало блеснуть! Нас тоже к ним в помощь посылали. Конюшни чистить и вообще помогать в работе. Мы приходили туда пустые и голодные. А уходили сытые. У каждого из наших гимнастерки надувались пузырем на животе. За пазуху набивали печеный хлеб или зерно.

Еще разживались у них табаком-самосадам. Как им затянешься — глаза на лоб аж вылезали! Такой он злой был. Мы его прозвали «гадючий». Но приходился и такой в радость. Преподаватели у нас его тоже просили. Им другого курева негде было все равно найти».

Павел Скогорев

О своих новоузенских командирах-преподавателях бывшие курсанты отзывались тепло и уважительно. В первую очередь о тех, кто преподавал им метеорологию, немецкий язык, летную подготовку, матчасть, воздушную стрельбу, тактику, связь.

«Особенно хорошо метеорологию давал нам один татарин — Сабиров-капитан. Мужик был грамотный и просто классный».

До самой смерти сохранил Павел этих познаний немало. Вот только не все они ему сгодились. Но то было позже. А тогда, в сорок втором году, никто не отменял боевых занятий. Ни строевых, ни летных.

Летом курсанты жили в палатках. А зимой в тех конюшнях, которые чистили вместе с немцами.

«В конце тридцатых и в начале сороковых из года в год стояли у нас морозы под сорок. Недаром в «финскую» у наших имелось столько помороженных. И у фрицев потом тоже. Морозы их прихватили как следует — что в сорок первом, что в сорок втором.

Когда начался сорок первый год, мы находились еще в Мелитополе. Там оттепель в январе случилась. Настолько сильная, что распустились почки на де-

ревьях. Я помню, политрук зачитывал на политических занятиях всему составу «Красную Звезду». А в ней написал какой-то стихоплет: «Под счастливой сталинской звездой / Даже почки распускаются зимой!» Мы только посмотрели друг на друга недоуменно, по крайней мере, те ребята, что родом были из деревни, и соображали, чем все это может кончиться. Они все втихаря лишь пальцем покрутили у виска. Ага! И точно! Следом, как шарахнуло под сорок! Промерзли многие деревья аж до сердцевины. Озимые побило — вот и «счастливая» тебе «звезда»...

Так вот — чтобы в степи, в палатке нам не замерзнуть, мы спали все под общим одеялом четвером. Вместе согревались теплом, идущим от тел, — я, Тпруся, Котя, Кабыш».

Так Павел называл служивших вместе с ним товарищей. Любил он клички присваивать своим друзьям. Но безобидные. Как правило, напоминали эти прозвища названия разных животных. «Котя», видно, был похож на кота. «Тпрусьенка» означало на жаргоне Павла лошадь, от слова «тпру!». Тпрусе, наверное, пришлось быть училищным водовозом.

А Кабыш — настоящая фамилия. О нем его однокашники не могли рассказывать без смеха: «Простой такой был деревенский мальш. Но больно уж честолюбивый. Когда ему присвоили ефрейтора, на имя и фамилию свои он перестал отзываться. Всем говорил: «Вы должны ко мне обращаться: «Товарищ ефрейтор!» И только по Уставу!» Так, с окончанием на -и, по-деревенски, отрезал категорически. Ну, мы ему в ответ: «Ты что? Совсем уж, что ли, охренел! И ничего тебе сказать по-человечески нельзя? Да только по Уставу обращаться?» Но все же Кабыш оказался неплохим парнем. В чем Павел убедился позже.

Эти ребята не только общее тепло делили, но и невзгоды. И вместе почти всю войну прошли. Вот только до конца ее дошли не все из них...

Не очень-то уютный быт курсантов

Господь или начальство, видно, решили наконец скрасить. Однажды приземлилась на их аэродроме летная часть. Не простая. Прибыли «ночные ведьмы». Так немцы наших военлетчиц-женщин называли за то, что не давали им ночью покоя. А ветераны говорят: «Да, это не вранье! У-2 действительно боялись фрицы. Ведь им те по ночам и в самом деле не давали глаз сомкнуть. Все время стрекотали у них над окопами. Только и слышно было: бум да бум! Так их У-2 забрасывали бомбами. Но из зениток было бить по ним бессмысленно: они на низкой высоте летали. Пытались фрицы сбить их из стрелкового оружия. А им же хоть бы хны!»

Соратницы Расковой и Гризадубовой пригласили курсантов в импровизированный клуб на танцы.

«Ну, мы пришли туда. Как глянули: там женщины все из себя такие видные, с иголки одетые. И на груди у многих ордена уже имеются. А у нас заносена вся форма. Да сами тоже все чуть-чуть не завшивленные — в степи-то где помоешься? К тому же еще голодные, как псы. Ну, и какими после этого мы стать могли тем дамам кавалерами? Однако отнеслись они к нам с пониманием. Сначала накормили, затем потанцевали с нами, потом из летных собственных пайков жратвой снабдили».

* * *

Незадолго до того семья Павла еще находилась в Воронеже. Матушка его, Анна Васильевна, ушла в свою перво родную Крещенку, что недалеко от Задонска. Там ее сродники жили. Там же перед родами когда-то она вынашивала сыновей. Да там же было ей удобнее спастись и от врага.

Старший ее, Саша, по-прежнему трудился на «Электросигнале». Но той же осенью завод эвакуировали в Новосибирск. Дочь Саши, Галина, рассказывала, как добирались туда «сигнальчане»: «Мы недели две ехали в товарняке. Бывало, проснусь ночью и не могу понять,

где нахожусь. А от холода спасала только печка из железа.

Когда приехали в Новосибирск, папа неделю еще жил почти без сна. Потому что надо было размещать цеха, налаживать их работу на новом месте.

Потом всю зиму голодали. Чтобы унять голод, ходили с другими детьми к берегу Оби, где размещался госпиталь. В нем раненых кормили рыбой. Ее остатки выкидывали. А мы их собирали — ведь на них рыбьего мяса немного сохранялось.

Еще ходили в котельную. Она располагалась в полуподвальном помещении. А из него в госпиталь подавали горячую воду. В ней местные ребята варили пойманную в реке рыбу. И нас тому же научили. В котельной мы воровали дрова. По одному полену. Больше я донести не могла. Ведь мне в тот год всего-то четыре исполнилось. А печка в нашем доме была прожорливой. Но без нее мы не могли никак согреться.

Весной сорок третьего вернулись в Воронеж. Здесь все лежало в руинах. На улицах везде по-прежнему стояли «ежи», сваренные из рельсов. Нас поселили в общежитии завода «Электросигнал». Папа носил меня туда после смены на плечах. Помню, в нем, помимо нас, проживало много китайцев».

В ту пору младшему сыну Анны Васильевны призывной возрасту еще не наступил. Он трудился на механическом заводе. Вскоре всех мехзаводчан отправили в Андижан, что в Туркестане. По приезде туда расселили в скоростроенных сырых бараках. Со смены возвращаясь, они готовили себе еду на стареньком керогазе. Такая жизнь была не по Михайловой душе. К тому же на него свалились неприятности.

Чтобы детали промывать, слесарям давали немного керосину. А после весь его положено было сливать в канализацию. Но работягам зазря переводить добро становилось жалко. Чем будешь заправлять те же керогазы? Михаил принес бутылку столь нужной жидкости домой. Но «погорел» на этом. Решили на него завести дело: хотели при-

шить ему хищение народного имущества. В военные деньги такое дело пахло хуже керосина... Поэтому он попросил товарищей по цеху, чтобы с него сняли бронь и отправили добровольцем на фронт. Товарищи просьбу подержали.

Как раз в Туркестанском военном округе формировался кавалерийский корпус. В него и поверстали добровольцем Мишку. Так стал воронежский заядлый рыбак, проведший свое довоенное детство на Подгоренских озерах, кавалеристом. Хотя ни разу до этого не ездил на лошади — и даже не сидел. Однако рядом с ним служили такие же: не ведали, с какого боку подойти к кобыле.

С двумя из них недавний слесарь сдружился неразлитно. Их тоже звали Мишками. Один из них, Пузырев, был сибирским шахтером. А другой, Булава, рыбаком с Азова. Всюду были они вместе: и в строю, и в бою, и в разведке. Делились между собой поровну — как куревом, так и водкой. Да выручали не раз за всю войну друг дружку. Вот потому и прозвище к ним пристало — «Три Мишки».

Даже их лошади сдружились. «Одна рыжая кобылка подо мной ходила. А жеребцы под Булавой и Пузыревым. Их жеребцы все время за моей рыжей шли следом. Куда она — туда они», — смеялся Михаил.

Случалось всякое на той войне. Подчас архангельских мужиков верстали в конницу. А казаков в саперы. У военкоматов всех распределять по лучшей профпригодности возможности не было — так сильно торопил враг.

А стоял он уже на Волге. Весной сорок второго немцы нанесли нам поражение под Харьковом, там был разгромлен целый фронт. «Под Харьковом, в сорок втором, Тимошенко опять нагородил ерундистику! У нас осадок горький тогда с поражения того остался. После Москвы уже все наши настроились на то, что будем мы безостановочно идти на запад...»

Ведь по истории знали, как в восемьсот двенадцатом году гнали из России

Бонапарта. Вот и теперь ожидали подобного. Да не сподобилось. Поперли снова вороги без удержу — к Воронежу, Кавказу, Волге.

* * *

Обстановка внесла коррективы и в жизнь новоузенских курсантов. Их подняли по тревоге и перебросили на Сталинградский фронт. В те дни туда бросали все: что можно и кого можно...

Тяжкие воспоминания у них остались об этих днях. «В войсках царил полная подавленность. Когда мы подходили к передовой, нам навстречу без конца брели раненые. И группами, и в одиночку. Раны у них не перевязаны были. Да и сами они выглядели не лучше: обросшие, голодные, худые. При этом часто падали от жары на землю...»

Впрочем, недало провоевали «новоузенцы-мелитопольцы».

«В конце концов додумался кто-то: зачем такую ерундистику творить — как пехтуру бросать в окопы почти готовых штурманов, два года проучившихся? Ведь это совсем безмозглым надо быть!» К «пехтуре» традиционно ироничным сложилось отношение у моряков, кавалеристов да у представителей некоторых других родов войск, как и у Павловых товарищей по авиации. Но — далеко не ироничным к тем, кто бросал их подобным образом в окопы. А был ли разве в той ситуации выбор у командования?

Там же, на Сталинградском фронте, Павел пулей в голень получил «крещение». Кто теперь ведает: не попади тогда он на передовую, была бы лучше для него другая пуля? Не обошлось и тут без промывала: молилась за него Анна Васильевна...

На этом мытарства штурманов на Волге не закончились. Всех уцелевших в сталинградских окопах отвели в Камышин. В нем стояли они с неделю или больше. Ждали, когда Приволжский военный округ их возьмет на свое обеспечение. Насмотрелись там курсанты всякого. Стали свидетелями того, как

отправляли вновь сформированные полки к Сталинграду. А перед тем их благословляли иконой Казанской Божьей Матери. Когда до Волги немец докатился, про атеизм забыли.

Все это время курсанты кормились чем могли. Но не скучали. Скучать им не давали авиаторы, летавшие на Сталинград с местных аэродромов. Они к дисциплине всегда относились легкомысленно.

«Когда они назад уже летели, то делали заход на переправу через Волгу. Как будто ее разбомбить хотели. А охраняли переправу ту рязанские зенитчицы. Ну, вот они стоят вокруг своих зениток, смотрят в небо. А летчики в пике прямо на них заходят. Еще и баки побросают вниз из-под горячего, чтобы выли и свистели, будто бомбы при падении. Само собой, зенитчицы с испугу разбегались». С усмешкой вспоминали «волжские сидельцы». Хотя зенитчицам, наверное, было не до усмешки.

Приволжский военный округ курсантов на свое обеспечение так и не взял. Таких бесхозных, как они, там в те дни водилось не меньше, чем вобль в Волге. И пошли они дальше вдоль по «матушке-реке». Так и мотались по ней, пока все их бродячее училище не подобрал один полковник, формировавший в тех краях ИПТАБ, что означало «истребительно-противотанковая артиллерийская бригада». Полковник напоил их всех, накормил, вымыл в бане. А после поговорил с ними так: «Самолетов все равно сейчас не хватает — летать вам будет не на чем. А вы почти готовые штурмана. Учили, значит, математику. Само собой, сумеете сделать расчеты и по ведению огня. Я тоже подучу вас маленько. Так что оставайтесь у меня. Не вечное же вы будете по Волге-матушке мотаться-плавать?» Как устоять против подобной логики? Не попрешь против логики желудка, к тому же если он пустой. И «курсачи» остались у полковника.

Тот, как и обещал, отправил их на десятидневные курсы в Ленинградс-

кое артиллерийское училище. Оно как раз в Поволжье было эвакуировано, в Куйбышев. В нем вскоре им присвоили сержантов. А за зиму превратили всех бывших штурманов в «богов войны».

В том «божественном» роде войск до сорок пятого, до самой Померании, прошел без происшествий Павел Скогорев. И только там «нашел» его осколок вражеский, ударив под лопатку.

Не один прошел. Вместе с ним шли Котя, Тпруся, Кабыш. Ребята оставались неразлучными и в артиллерии. Однако до самых своих последних дней Павел сохранил любовь к авиации. А вместе с ней и к голубым петлицам.

«Погоны не носил Павлик...» Так, Павликом, все однокашники-однополчане звали Павла Скогорева. Включая тех из них, кто даже был младше его по должности и по званию. Павлик являлся командиром взвода и заместителем командира батареи.

Сам он против столь неуставного к себе обращения не возражал. Поскольку терпеть не мог официальщины и чинопочитания. Так в нем сказывался не дисциплинированный авиатор.

Авиационных петлиц Павлик не снимал. Когда высокое начальство приезжало, погоны пришивал. А уезжало — снова спарывал. Не признавал еще фуражки офицерской, пилотку лишь носил. Уж очень ее любил. Так рассказывали Павловы однополчане. По крайней мере, те из них, кто остался жив. О них надо сказать особо.

Котя, Тпруся, Кабыш были рядом с Павлом еще с училища, а после того как сформировали их полк и бригаду окончательно, появился Миша Шейкин. Он возил комвзвода Скогорева на «студебеккере» вместе с орудийным расчетом. Командиром расчета был тоже Миша, Танхилевич, шутник и песенник. Еще он был заядлым футболистом. Лазарев Илларион учился до войны на фельдшера. Однако не успел доучиться. Пришлось ему орудием в бою командовать, а после перевязывать товарищам раны.

Такая в командирской машине собралась разношерстная команда.

Гораздо позже Шейкин дал их бригаде и полку такую характеристику: «Наш сто шестьдесят восьмой полк входил в состав тридцать третьей бригады. Она подобралась своеобразная. Ведь мужиков тогда осталось мало. И некого стало уже отправлять на фронт. Тогда и эков стали набирать. Из тех, кто имел небольшие срока, не очень тяжкие статьи. Вот из таких людей и бригаду нашу в значительной мере набрали. Сложилась похожая картина и с национальностями: армяне и евреи, грузины и азербайджанцы — кого в ней только не было, помимо русских. Но жили мы все дружно».

А другие ее ветераны вот что вспоминали: «Настало время, и нас личный состав послали принимать. Его разместили в бараках. Ну мы туда зашли, протискиваемся между нарами. Вдруг слышим: хихиканье, смешки какие-то доносятся. Тут паренек совсем молодецкий с нар спрыгнул и рожицы давай нам строить. Да изгиляться над нами всячески. «Вот мать честная, — думаем. — Ведь это ж ээки! Вот вляпались! И что ж теперь мы будем с ними делать?!»

Пришлось «богам войны» таким вот контингентом «небожественным» командовать.

«Нас фрицы так и звали: «Банда». Уже в конце сорок четвертого, в Восточной Пруссии, когда мы занимали там позиции, они через нейтралку нам орала: «Банда, вы здесь?!» Уж, значит, унавали».

«Зато все эти ребята были надежными и компанейскими. В бою не подводили. Да и в тылу могли достать, чего захочешь, и обеспечить всем, чем надо». Потому их комвзвода смотрел сквозь пальцы на многие проделки личного состава, которые не слишком сильно выходили за рамки Уставов. Все подчиненные за это в нем души не чаяли. Еще любили его за незаносчивость и простоту. Ведь он делился с ними по-братски водкой, куревом и хлебом. Да и вообще всем тем, что пошлют солдату Бог и война.

Зимой сорок третьего — сорок четвертого туркестанских конников переборсили на запад.

В пути их кормили плохо. Наверное, тому, кто ездил в воинских эшелонах, не надо объяснять, как эти конники всю дорогу изобретали способ: «Чем бы подхарчиться?» Голодными тех солдат делало начальство.

«У нас начальником над эшелоном был один майор. Он не в первый раз уже вез части на фронт. Настолько к этому приноровился, что в дороге постоянно торговал солью. Ее ведь много в Туркестане, а в наших прифронтовых областях стакан рублей по сто, а то и больше стоил на толкучке. Майор там эту соль скупал оптом да вез на запад. Сгружал на станциях розничным торговцам. А деньги с них собирал на обратном пути». Недаром сложилась в нашем народе поговорка: «Кому война, а кому и мать родна»...

Той же зимой «туркестанцев» задействовали на западном направлении в бою. Боевое крещение три Мишки приняли в разведывательном взводе шестидесятого гвардейского кавполка шестнадцатой гвардейской кавдивизии седьмого гвардейского кавалерийского корпуса. Командиром разведвзвода был служивший до войны в войсках НКВД и прославившийся в дальнейшем кавалерист-разведчик старшина Папышев. Михаил впоследствии вспоминал о нем: «На редкость он был отчаянный и храбрый мужик».

С самого начала пришлось кавалеристам вкусить немало невзгод. Больше всего хлопот им доставляла экипировка. Еще на формировке их одели в длиннополье пехотные шинели. Их полы норовили запутаться в стременах. А зимой на ветру хлопали, что у вороны крылья. Как с этим мириться разведчику, долженствующему блюсти тишину? Чтобы выйти из такого положения, они пошли на нарушение Устава. Однажды сам командир полка Горлатов принимал у них парад. И выговорил непосред-

Мать Анна Васильевна Скогорева

ственному командиру «Мишек»: «Что же за форма у рубак твоих такая?»

«А были все мы в кожанках. Достал их Папышев да нас передел в «чекистское».

* * *

Не дали доучиться бывшим «богам войны» и в Куйбышеве. В начале сорок третьего ускоренно присвоили им лейтенантов да в спешке перебросили на фронт в местечко под названием Изюм. Оно находилось неподалеку от Харькова. Там их отдельную сорок вторую бригаду ИПТА придали стрелковой дивизии, дабы пехоте легче было отражать танковые удары. Неспроста туда перебросили истребителей танков. Незадолго до Курской битвы немецкая группа армий «Юг» осуществляла в том районе контрудар под командой известного фельдмаршала Манштейна. Позже данная операция вошла во все учебники военной истории и мемуары вражеских полководцев. А тогда Харьков уже не в первый раз за войну стал ареной жесточайшей схватки.

Противник стремился удержать крупнейший центр Украины. И вместе с тем овладеть железнодорожной рокад-

ной магистралью от Орла до Приазовья, чтобы воспрепятствовать нашему наступлению на Днепр, а себе обеспечить возможный повторный бросок на Москву или Сталинград. Для этого поставили оборонять Харьков танковый корпус СС. В него входили элитные дивизии: «Личный полк Адольфа Гитлера», «Рейх» и «Мертвая голова». Их личный состав набирался из «истинных арийцев» — добровольцев. При этом учитывалась не только «чистота крови» кандидата, но и здоровье. Если он имел на зубах хотя бы одну пломбу, его уже не брали.

Корпусом командовал известный генерал СС Пауль Хауссер. В Германии он слыл легендарной личностью. Был кадровым офицером еще во время Первой мировой, позже вступил в СС. И стал в них наставником по боевой подготовке всех воинских формирований. Натаскал их до такого уровня, что даже части вермахта не могли с ними сравниться. Можно сказать, Хауссер стал «отцом» войск СС.

От фюрера ему пришел категорический приказ: во что бы то ни стало удерживать Харьков и не сдавать его русским. Однако генерал прекрасно понимал всю невыполнимость поставленной задачи.

И, невзирая на угрозу трибунала и расстрела, сказал: «Пусть лучше одна моя голова падет, чем головы десятков тысяч лучших воинов рейха!» После чего дал приказ об отходе. А вскоре, перегруппировавшись, взял обратно Харьков, Белгород и нацелился на Курск. Он был серьезный, опытный вояка. А все его солдаты, как говорится, «мясом кормлены». Вот и послали их сдерживать «бандитскую», лишь недавно сформированную бригаду.

Но все же самым памятным, а также и тяжелым на своем боевом пути ветераны сто шестьдесят восьмого истребительно-противотанкового полка считали сражение под Корсунем-Шевченковским.

Зимой сорок четвертого на правом берегу Днепра наши замкнули в «котле» восьмую полевую немецкую армию и части первой танковой. Сначала противник не пожелал там капитулировать. Недаром этот «котел» назвали «Малым Сталинградом». Враг очень упорно пытался вырваться оттуда, чего можно было достичь только встречным танковым ударом. Чтобы такого не случилось, сто шестьдесят восьмой поставили отражать удары этих танков.

«Нас туда прорыв бросили предотвратить. Стояла распутица. Кругом все раскисло. Но все же мы на «студебеккерах» добрались до места назначения и заняли позицию. Стоим, атаки ждем. Вдруг, смотрим, из лощины выходят на нас «тигры» с «фердинандами». Ну, стали бить по ним. Да куда там! Даже видно было, как снаряды наши попадают им в лобовую броню, искру высекают и, срикошетив, уходят вверх. Не брали мы их никак в лобовую. И ничего поделаться с ними не могли...

А они после этих наших выстрелов засекали позиции батареи, назад в лощину сдали и давай по нам лупить! Причем болванками. Не знаю почему, для смеху, что ли? Но нам-то не до смеху было... Как самоходка даст выстрел — у нас оружейный щит пополам. Другой даст — и пополам второй! Всю батарею так расстреляли. Хлебнули там с ними горя...»

Немцам все-таки прорваться не дали. Их остатки сдались в «Малом Сталинграде». Но в сто шестьдесят восьмом полку осталась целой всего лишь одна пушка...

После этого сражения сто шестьдесят восьмой ИПТАП отвели на переформировку в резерв, дали время «залить раны», пополнить матчасть. Затем послали закрывать очередной прорыв уже в составе тридцать третьей истребительно-противотанковой бригады. Она прошла «гастролями» по нескольким фронтам: на Втором Украинском, на Первом Прибалтийском, на Первом Белорусском. Удостоилась при этом почетного наименования Черкасской — наверное, за то, что побывала в «жарком деле» на Днестре. В таком ее дислокационном непостоянстве имела своя логика, поскольку наступающим фронтам приходилось не только ломать упорное сопротивление противника, но и предотвращать попытки выхода его из окружения. А еще отражать танковые контрудары.

Выходит, смена «крылатого коня» на противотанковую артиллерию для несостоявшихся летчиков стала не менее опасной. Так говорят бывалые ветераны и отмечают, что двойной оклад истребителям танков платили не зря. В подтверждение приводят фронтные поговорки: «Ствол длинный — жизнь короткая!», «Оклад двойной, да риск тройной!». За каждый подбитый танк командиру орудия платили пятьсот рублей. Орудийным номерам по двести. Но деньги — это деньги, а истребителей считали кем-то вроде обреченных.

«Пожарные войны» — такая, видимо, у противотанковой артиллерии судьба. Она была не только «богиней войны», но и ее «пожарницей». Как правило, ее бросали туда, где было жарко, с одного фронта на другой. И неспроста, наверное, назвали истребительно-противотанковой артиллерией РВГК. То есть, Резерва Верховного Главного Командования. Казалось бы, резерв — вещь менее опасная: сидишь себе да ждешь, когда прикажут идти в бой,

пока на «передке» другие «загорают». Так, да не так. Бригады и полки противотанковые на случай «пожара» действительно берегли. Но если все-таки «пожар» случался, то становились истребители, считай, смертниками. И в такие моменты могли позавидовать, пожалуй, даже штрафным. Видно, недаром рядовой состав набрали из такого контингента...

Играл свою роль еще и другой момент. Когда их придавали общевойсковым соединениям, будь то армия, корпус или дивизия, ИПТАПы и ИПТАБы становились в них как бы неродными, поскольку имели на вооружении орудия ЗИС («Завод имени Сталина»). Они стреляли как по прямой, так и по навесной траектории, то есть были универсальными. Работали не только по танкам, но и по другим наземным целям, в силу чего служили затычкой в каждой бочке.

«Приберегали все общевойсковые командиры артиллерию свою — ту, что входила непосредственно в состав их соединений. Если потери очень уж большие, свою матчастью и людьми придется пополнять. А ту, что на время из РВГК придали, все равно обратно заберут. Ну, и зачем ее беречь пуще своей тому командующему общевойсковому? Вот и бросали нас в распыл, куда и к кому попало, да затыкали нами дыры...»

Ведь на войне, что в хозяйстве. Любое соединение должно иметь хозяина. А настоящий хозяин, будь это хоть в мирной жизни, хоть на войне, прежде всего радеет о своем, а не о временном. Иначе победы ему не добыть. Увы, такая логика сурова, но вряд ли без нее возможно было выиграть войну.

* * *

Летом сорок четвертого седьмой кавалерийский корпус вышел к Висле. О местных Михаил составил неоднозначное мнение. Говорил о поляках: «Поляки были разные. И относились к нам по-разному. Ну, если ксендз там попалал-

ся или шляхтич — так эти просто ненавидели. А хлопы относились в основном нормально...

Однажды у меня в разведке ранило коня. Хороший, резвый подо мной масштак ходил. Ну, что с ним будешь делать? В богатый дом зашли в каком-то польском хуторе. Хозяину я начал объяснять, что получилось: и на руках, и на словах — полухохлячьих, полупольских. Я говорю ему: «Пан, триба нимца воевать! Пан, коня триба! Я своего тебе отдам коня».

А он руками только разводил, да отвечал мне сокрушенно: «Немае, пан, немае...» К тому же все пытался объяснить, что сам он бедный, безлошадный. Зато есть у его соседа конь. Пошли к соседу. Тот то же самое лопочет: «немае» да «немае». «Сходите к моему соседу — у него есть точно конь!» Обрато к первому вернулись. Уже зашли к нему не по-хорошему — наставили оружие: «А ну, давай-ка выводил!» Только тогда на задний двор он вышел да нам привел коня...»

Взаимоотношения с местными не помешали конным разведчикам воевать по расписанию. Главным их достижением явилось участие в Висло-Одерской операции. Больше всего они отличились при овладении городом Томашув, за что удостоились высокими наградами. Так, командир разведзвода полка гвардии старшина Папышев стал легендарной личностью, Героем Советского Союза.

Не обошли наградой и гвардии рядового Михаила Скогорева. В наградном листе (с сохранением стиля и пунктуации) сказано:

«Товарищ Скогорев в боях по овладению городом Томашув и далее продвигаясь на запад с боями, показал себя смелым, инициативным разведчиком.

22.01.45 г. под г. Камень в составе разведзвода, заметив группу противника, которых подпустив на близкое расстояние, открыл по их ураганный огонь, все были уничтожены, в этом бою товарищ Скогорев огнем из автомата уничтожил 9 солдат и 2 офицера противника.

Этим самым помог быстрейшему выполнению задачи полка.

Товарищ Скогорев достоин правительственной награды ордена Славы третьей степени.

*Командир 60-го гв.
кавалерийского полка
подполковник Горлатов.
27 января 1945г.»*

* * *

Осенью сорок четвертого Черкаскую бригаду, понесшую в сражении под Корсунем-Шевченковским большие потери и прошедшую после этого переформировку, отправили в Прибалтику. Там осаждали немецкий порт Мемель, который называется ныне Клайпедой и является территорией Литвы. Он располагался между Восточной Пруссией и Латвией, а разделял их литовский клин.

Никак не удавалось этот Мемель взять. Поскольку в нем наладили немцы целую систему отличных в инженерном отношении оборонительных сооружений, подобных тем, какие наши позже штурмовали в Кенигсберге.

Враг был отрезан от своих в Курляндии и в Мемеле. Там стояли две его полевые армии, а в придачу к ним танковая. Он не сдавался до мая сорок пятого. Однополчана Павла говорили: «Мы зацепились там надолго».

Если враг имеет превосходство на море, то сухопутным приходится крайне трудно. Это господство мы ему уступили еще в начале войны, когда Краснознаменный Балтийский Флот осуществлял печально знаменитый переход из Таллина в Кронштадт. Тогда не меньше половины его плавсостава немцы пустили ко дну, последствия чего давали о себе знать даже в конце войны.

«Нас фриц долбил там, как хотел. Только начнем мы что-нибудь предпринимать против него — его эсминцы тут же подходят с моря. И давай по нам долбить со всех орудий! Да так, что от разрывов всех морских калибров темно аж делалось кругом. Не видно было света

белого в прямом смысле слова! Боеприпасов не жалели фрицы, у них все балки рядом с Мемелем ими были забиты. Да и в Курляндии их было жуть сколько — и мины, и снаряды. А у нас иногда даже выстрел было сделать нечем...

И из Восточной Пруссии они обстреливали нас тоже. Я помню, мы однажды ночью развели костер в заброшенной куршской мазанке, так, чтобы фрицы не увидели, да грелись. Но все же засекли. Вдруг, слышим, что-то незнакомое по звуку и непохожее ни на один снаряд летит. К нам приближается. Вот только мы успели выскочить да залегли, как тут же плюхнулось рядом с нами. В нас не попало. Но и не разорвалось тоже».

Видно, молилась в ту минуту мать за старшего.

«Ну, подождали несколько минут — ничего не слышно. Тогда пошли в то место посмотреть, где снаряд упал. Там не поверили своим глазам: огромный, древний, весь обросший мхом, наполовину вросший в землю валун был пробит насквозь снарядом. Пронзил валун, а сам весь в землю вошел.

Узнали мы потом, уже после войны: в Восточной Пруссии стояли эти пушки сверхмощной дальности. После войны их наши захватили, но вывезти не смогли: под нашими мостами-виадуками железнодорожными они не проходили».

В войсках, осаждавших Мемель, не лучше обстояло дело и со снабжением. Вначале с ситуацией не справлялись отставшие при наступлении тылы. А потом усилия тыловых служб направили в Польшу и в Германию. Тогда как немцам из Восточной Пруссии было рукой подать до своих по морю. А население Курляндии «кормить русских» не проявляло желания.

«Когда мы первый раз туда зашли да глянули, как курши те живут — так обалдели! У каждого такого латыша стадо коров, отара овец. На чердаке, под крышей, все сплошь увешано свинными окороками. А у них попросишь что-нибудь пожрать — всегда в ответ: «Мы бедные».

По совести сказать: досталось им от нас, конечно, тоже. Однако и они стреляли в спину при первой же возможности».

* * *

Михаил вспоминал: «Я как-то с убитого фрица снял золотые часы. А следом мы переходили вброд малую речку. Вдруг пуля — «цвеньк!» — прямоком у сердца меня ударила. Ну, распахнул шинель, полез туда, вытаскиваю те часы, а они от пули той как всмятку. Ну, разозлился я с пропажи, схватил да подалее от себя закинул в речку. Тут на меня Пузырев и Булава заругались: «Ты что же делаешь?! Ведь это все же золото. К тому же жизнь они тебе спасли! Оставил бы их себе на память...» А я действительно в то время был горячий, молодой — не смыслил ничего в таких вещах...»

Видно, еще не пробил час Михаила. Вот только ли часы его спасли? В тот час за младшего молилась мать...

Михаил был горяч. И не придавал значения тому случаю с часами, а вскоре чуть не погиб при переправе через Одер. На форсирование реки их полк бросили на лодках: наводить там переправы было некогда. Только в воде Михаилу стало страшно. Кому-то, может быть, покажется смешным, да только воронежский рыбак с Подгоренских озер плавал не лучше топора.

«Плывем, а с берега того нам матюгами власовцы орут: «Какого хрена вы сюда приперлись?» Да поливают нас перекрестным пулеметным огнем. А после стали минами закидывать. Одна из них рядом с моею лодкой угодила. Ее перевернуло. Вынырнул, да только плавать все равно ведь не могу. Тогда я уцепился за соседнюю и держусь. А вода была ледяной в то время. Ну, чую, от холода все мышцы сводит, заоченел совсем, сознание теряю, вот-вот ко дну пойду. Но все же выплыл...» Горячими у матери были молитвы...

Тем не менее, Михаил не выбыл из строя. Да и как ему было выбывать, если

Победа стояла уже близко. Во время штурма Берлина он познакомился с знаменитым разведчиком, водрузившим Знамя Победы над рейхстагом, — Мелитоном Кантария. Да и сам воевал так, что был удостоен очередного ордена. Сразу после взятия Берлина и окончания войны на него был подписан еще один наградной лист:

«Товарищ Скогорев способный и смелый разведчик разведзвода за период боев от реки Одер до полного окружения Берлина, находясь непрерывно в ведении точной и своевременной разведки, этим самым обеспечил успех в бою при Ориенбурге.

23.04.45г., возвращаясь обратно, на своем пути встретил группу солдат противника, умелыми и смелыми действиями огнем из автомата уничтожил 4-х солдат и 2-х взял в плен, своевременно выполнил боевой приказ и доставил в штаб контрольно пленного.

Товарищ Скогорев достоин правительственной награды ордена Красная Звезда.

Командир 60-го гв. кавалерийского Померанского, Красного Знамени, ордена Суворова полка гвардии полковник Горлатов. 12 мая 1945г.»

* * *

Той же зимой танковую армию, которая стояла в Курляндии, противник перебросил в «фатерлянд». Тогда и артиллеристов отправили в Германию отражать удары этих танков.

«Нам навсегда момент запомнился, когда переезжали границу с Германией. Погода страшная была: шел секущий снег с дождем, выл порывистый ветер. А у дороги стоял одинокий столб с табличкой, и на ней кто-то углем начертил: «Вот она, проклятая Германия!»

Действительно, на ее территории нашим солдатам пришлось крайне трудно. Местный ландшафт им отнюдь не помогал. Он был там истари нашпигован крепостями и другими сооружениями

фортификации. Поэтому противник имел возможность упорно оборонять каждый населенный пункт. Его оттуда приходилось буквально выковыривать. К тому же эти пункты являлись «раем» для фаустников. В довершение всего наши войска лишились партизанской поддержки, а немцы объявили в своих восточных областях нечто вроде священной войны.

Правда, после нехлебосольной Прибалтики артиллеристы нашли, что в Германии жизнь была куда сытнее.

«Пока мы стояли в Прибалтике, сильно изголодались. А как вошли в Германию, удивились. До этого политруки до нас все время доводили такую информацию, как будто там у них чуть ли не голод был, и все по карточкам. А посмотрели, как живут те немцы, так обалдели. Ох, батюшки, чего ж там только у них не было! Уж птичьего разве что молока. Консервы португальские, французское вино, бельгийские конфеты, всякого мяса полно. Особенно понравилось нам, как консервируют там поросенка: в стеклянной банке заливают его жиром целиком — ну, просто прелесть получается! Тогда же приказ Жуков издал: войскам перейти на самообеспечение».

Войска, конечно, перешли, не заставили себя упрашивать.

«Особенно гонялись все наши за сигаретами из турецкого табака. Насчет него у нас отдельный был случай. Мы захватили как-то фольварк, а в нем не оказалось людей. Заходим в зал, там посередине стоит стол, на нем выложено все ценное: коньяк французский, вино, продукты, вещи да тот табак турецкий. Наверное, хозяева нарочно так перед уходом сделали, чтобы солдаты русские не лазили, где зря, да не ломали бы замков. Похоже, что надеялись вернуться...

Мы коньяку того, конечно, наливались, потом пошли бродить по залам. А в них нашли мундир их генерал-полковника. Тпруся спяну на себя этот мундир напялил и в нем ходил по комнатам, да сигареты курил с табаком турецким.

Тут, как на грех, наше начальство из бригады заявилось. Ну, думаем, сейчас всех нас под арест закатают! Но нет, не закатали. Тпрусю во фрицевском во всем увидели — велели снять, только и всего. Уж, видно, очень сильно табаку обрадовались и приказали нам перетащить его в отдельную комнату. А рядом часовых поставили.

Про курево на фронте только слово скажи — об этом сразу всем известно становится. Когда о табаке турецком пронюхало вышестоящее начальство, так тут же к нам приехало и свою охрану рядом с ним поставило. Арестовало, значит, весь табак. Ну, что ж там говорить: никак нельзя было на фронте жить без курева...»

* * *

«Сначала фриц дал нам в Померании крепку! Была неразбериха полнейшая. И не поймешь, кто находился в окружении — мы или фрицы? Но ничего, потом все возвратилось на свои места. Мы тоже дали им как следует, а после всех их за Одер загнали».

«Лейтенанту Скогореву Павлу Федотовичу.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 4 марта 1945 года Вам объявлена благодарность за отличные боевые действия при прорыве сильно укрепленной обороны немцев восточнее города Штаргард и овладении важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев в Померании.

*Командир части 24184
Подполковник Старчеус».*

«Лейтенант Скогорев Павел Федотович.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 5 марта 1945 г. № 290 за овладение городами ШТАРГАРД, НАУГАРД, ПОЛЬЦИН — важными узлами коммуникаций и мощ-

ными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ**».

Командир части 24184
Подполковник Старчеус».

«Лейтенанту Скогореву Павлу Федотовичу

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 7 марта 1945 года № 295 за овладение городами Голлнов, Штепениц и Массов — важными опорными пунктами обороны немцев на подступах к Штеттину всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ**».

Командир части 24184
Подполковник Старчеус».

«Лейтенант Скогорев Павел Федотович

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 20 марта 1945 г. № 304 за овладение городом АЛЬТДАММ и ликвидацию сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки ОДЕР восточнее ШТЕТТИНА всему личному составу вашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ**».

Командир части 24184
Подполковник Старчеус»

Однако Павлу не довелось испытать одерской водицы. Во время боя по его орудиям ударил вражеский танк. В них не попал, разрыв произошел за огневой позицией. Но комвзвода в лопатку получил осколок. Перевязал ему рану Лазарев Илларион. Однако извлекать осколок надо было в медсанбате. Павел туда не спешил, отнекивался по привычке: «А ну его!» Тем более, что в их сто шестьдесят восьмом полку счита-

Михаил Скогорев

лось неприличным уходить с передовой тем, кто остался на ногах после ранения.

После ликвидации померанской группировки противника их бригаду стали перебрасывать на берлинское направление. Ведь Первый Белорусский фронт готовился брать столицу Германии, и поэтому в его составе сосредотачивали все, что можно.

Рана Павла не заживала, к тому же начала гноиться, он сильно ослабел. И вот пришлось ему идти опять в сторону передовой. Сопровождают комвзвода вызвались друзья. Конечно, еще и потому, что им надо было в местном городишке «что-нибудь» найти. А «что», каждый бывалый солдат знает и так. С ними пошли старые друзья Кабыш, Котя, Шейкин, Лазарев и несколько других. Вот только не было с ними Тпруси, он поехал на «студебеккере» получать для батареи снаряды: за время померанского сражения произошел слишком большой расход боеприпасов.

«Идем мы, значит, по шоссе. Тут нас обгоняет машина, тормозит. Ну, это не к добру, когда начальство вдруг ос-

тановилось. Мы уже к худшему приготавливались. И тут глядим: из нее вылезает сам Жуков! Что будешь делать? Но Павлик наш не растерялся. Он старшим был над нами по команде. Собрался, подтянулся, несмотря на то, что руку на бинтах носил; как и положено по Уставу, к нему по-строевому подошел и доложилась по всей форме: такой-то и такой-то, для перевязки направляюсь в медсанбат! А это все со мной».

Ну, Жуков удивленно осмотрел нас всех и спрашивает: «А почему вы в сторону передовой идете, лейтенант?» Тут Павлик опять не ступевался, отвечает ему: «Товарищ маршал! Туда мы идем потому, что надо брать Берлин!» У нас и вправду тогда у всех настроение такое было: чтобы поскорее взять его, да всю войну на том закончить».

Именно о таких настроениях в войсках писал в своих «Воспоминаниях и размышлениях» советский полководец.

«Жуков после этих слов его заулыбался, к нам повернулся, говорит: «Идите, да передайте в медсанбате, чтобы как следует перевязали лейтенанта!» Сел и уехал, а мы вздохнули с облегчением: «Ну, пронесло!»

Пришли мы с Павликом в медсанбат. Сидит он, очереди ждет. Врачиха в это время вырезала чирей азиату какому-то. Уж как тот, бедный, верещал: «Не дам мой резать!» — и шабаш! В конце концов она плюнула, велела медсестре

тот чирей вырезать. И занялась лопаткой Павликовой. Да говорит ему: «Вы извините, лейтенант, у нас наркоза нет». А он ей отвечает: «Ну, и не надо мне его, я потерплю и так. А если вы хотите обезболивающее сделать, так лучше дайте мне анестезию внутреннюю — налейте спиртику...» Она заулыбалась, но анестезию, правда, не дала, решила без нее прооперировать. А Павлик молчит и терпит. Тот с чирьем заверещал у медсестры на койке по соседству. Повернулась военврач к нему и говорит: «Как же вам не стыдно! Смотрите: лейтенант ведь не кричит...»

Вышли мы из медсанбата довольные, что все так хорошо закончилось. К тому же спиртом там разжились. Вот только пора нам было на батарею возвращаться. А как туда вернулись, узнали: в «студебеккере», на котором ехал Тпруса, прямой наводкой из-за Одера ударил «фердинанд». Вез этот «студер» в кузове снарядов триста...»

Так Павел на исходе кровавой страды потерял друга, с которым еще с училища делил пищу, кров да «гадючье» курево. Не дошел тот вместе с ним и боевыми товарищами до победного конца... А мог бы в «студебеккере» сидеть и сам Павел, когда бы не пошел в тот медсанбат. Опять Господь отвел неминуемую, что была по нему прямой наводкой. И лишь ударила его осколком под лопатку...

